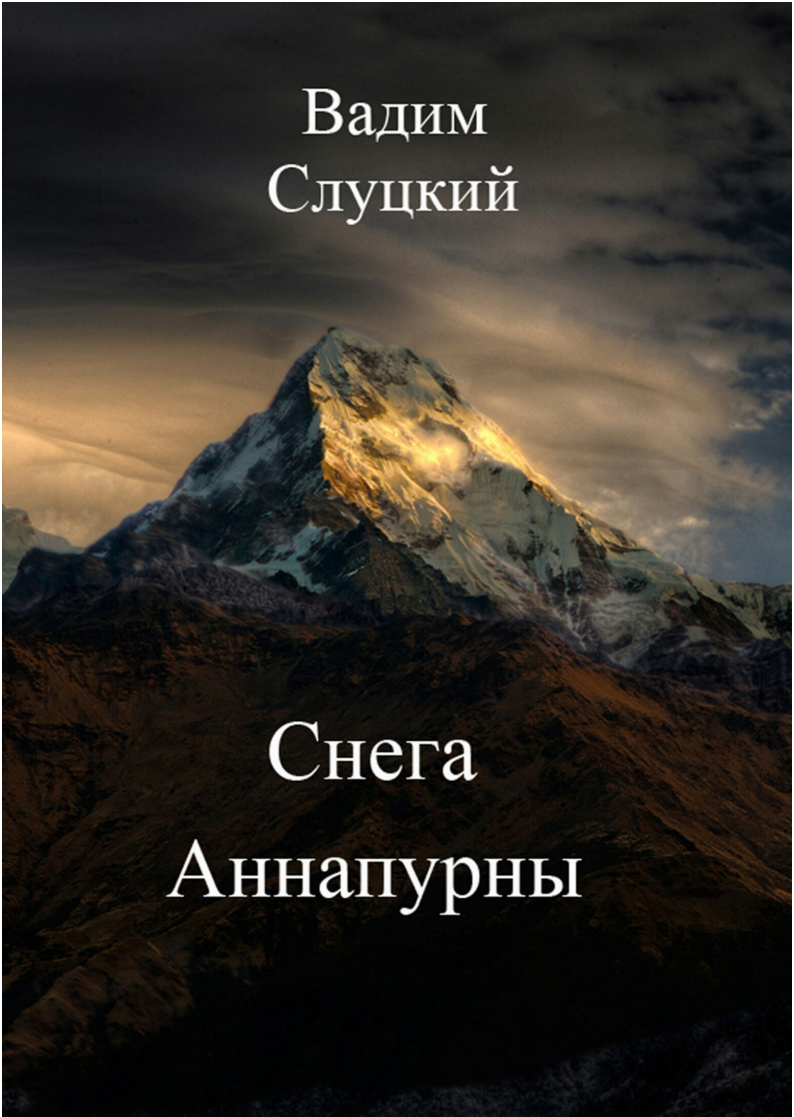

Вадим Слуцкий

Снега Аннапурны

Вадим Слуцкий
Снега Аннапурны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29848862
SelfPub; 2018

Аннотация

У некоторых народов старики – самые уважаемые люди. У цивилизованных народов старики выброшены из жизни. Этот текст – о том, как живут рядом с нами одинокие старики.

Снега Аннапурны

В половине шестого утра море ещё спало. Его не было видно, но оно явственно ощущалось, как дыхание спящего человека в тёмной комнате. Полная, но уже бледная предрассветная Луна казалась серебряной монетой на тёмно-фиолетовом, цвета спелой сливы, бархате ночного неба. Оно где-то у невидимого в этот час горизонта переходило в тихую воду, но нельзя было понять, где кончается вода и где начинается небо.

Откуда-то, наверное, из порта, доносился тихий, периодически повторявшийся скрежет, как ни странно, очень гармонировавший с предрассветным морем и тишиной ночи.

Через несколько минут тьма стала отступать, пространство – ширится. Небо быстро светлело: сначала оно стало серо-сизым, потом нежно-бирюзовым, потом глубоким голубым, как вода горного озера. По тихой воде, ещё тёмной, пошли блики золотистого света, а по всему небу побежали крошечные косматенькие облачка, ярко-розовые, как зардевшиеся девичьи щёчки. Потом они окрасились в апельсинный, потом – в золотистый цвет – и пропали куда-то. А в море, внутри него, будто зажгли мощную лампу: вода стала прозрачной и засияла изнутри зеленовато-голубым светом.

Видел это только один человек.

Это был старик, стоявший на круче над Отрадненским пляжем. Как он туда забрался, понять было сложно. Он сто-

ял на самой середине почти вертикального спуска и смотрел на восход солнца. Смотрел с детским жадным восторгом, как маленький ребёнок, в первый раз увидевший такое великолепное зрелище.

Когда стало совсем светло, старик очень быстро и почти не глядя себе под ноги, спустился на дорожку под кручей. Там стояла тележка, на каких возят продукты в супермаркетах, прикрытая сверху грязной полиэтиленовой плёнкой. Старик покатил перед собой тележку, направляясь вверх, в город. В тележке при каждом шаге что-то слегка звенело и громыхало.

Через полчаса этого необычного человека можно было видеть на одной из старых узких мощёных одесских улочек.

Это был высокий, кряжистый старик, на вид лет 70 – 75-ти. Волосы, совсем седые, коротко подстриженные, казались белым шлемом над тёмным, загорелым лицом. На нём была просторная, с многочисленными карманами, брезентовая куртка, когда-то цвета хаки, теперь сильно выцветшая, и чёрные с вытертыми коленями штаны. На ногах – садовые резиновые калоши.

Старик медленно брёл по улице, затем свернул в переулок налево. Он внимательно смотрел по сторонам, будто что-то искал на земле.

Может быть, это тёмный эльф из сказки, и он ищет клад?

Но вот «эльф» нагнулся и что-то подобрал в траве под

пыльной акацией. Бутылка! Старик-эльф собирал бутылки.

Странный старик.

Последовав за ним и дальше, мы убедились бы, что каждую найденную бутылку он тщательно рассматривает, после чего достаёт огромный лист картона с рисунками, разглядывает его и затем что-то записывает в мятой школьной тетради.

Может быть, это учёный-социолог, и он готовит диссертацию на тему «Что пьют в городе Одессе?»?

Интересный старик, но загадочный.

Ещё часа через 3-4 старика можно было видеть на Малой Арнаутской улице. Он по-прежнему катил перед собой тележку.

Старик идёт всё так же медленно, но больше не смотрит по сторонам и вниз. Наверное, он уже собрал достаточно большую коллекцию бутылок. Город проснулся, светит солнце. Дети бегут в школу, спешат на работу взрослые. Старый человек пристально, с каким-то жадным любопытством, вглядывался в лица людей, особенно, детей. Так смотрят на близких или друзей, которых не видели давным-давно.

На старика никто не обращал внимания, но ему, видимо, нравилось идти по улице среди городской суеты в этот утренний час: иногда он даже слегка улыбался.

Добравшись до своей двери, он открыл её огромным, будто из сказки, ключом, распахнул дверь, так что она наполовину перегородила узкий тротуар, и вкатил внутрь тележку.

Потом закрыл дверь изнутри.

Старика звали Григорий Иосифович Муляр.

Не так давно он отметил своё 90-летие.

Хотя «отметил» – это громко сказано.

Накануне он подобрал на Привозе, в брошенном ящике, оставленные кем-то несколько помятых абрикосов. Тщательно срезав с них части, уже поддавшиеся гниению, он положил их в холодильник. Кроме того, вечером он купил в магазине булочку с кунжутом за 3 гривны (самое дешёвое хлебобулочное изделие в этом магазине) и пачечку шоколадного масла, которое очень любил. И утром, в день юбилея, придя домой с обхода, съел на завтрак эту булочку с шоколадным маслом и абрикосы, вкус которых он совсем забыл.

А вечером зажёг на столе у окна, возле портрета мамы, поминальную свечу. Когда-то, лет 20 назад, ему прислали эту свечу из Израиля. Она была толстая, в жестяном панцире. Свеча горела 25 часов. Рядом в зелёной бутылке из-под шампанского он поставил букет полевых цветов, собранных на круче над Отрадненским пляжем: там были львиный зев, васильки, зверобой и две маленькие розовые мальвы.

Перед тем, как лечь спать, Григорий Иосифович немного посидел у стола, глядя на мерцающий огонёк горящей свечи. Как всегда, в торжественные дни он вспоминал маму. Ему удалось воскресить в памяти один давно забытый эпизод. Как-то он развлекался во дворе тем, что бросал камешки

в других детей, и попал девочке, Гите Грозовской, прямо в глаз. Чудом она не ослепла. Мама тогда повела его к соседям извиняться. Он вспомнил её лицо: огорчённое и строгое.

Казалось бы, не самый приятный момент его детства. Но для него это было неважно. Он видел в своём воображении маму, и этого было достаточно, а что именно происходило с ней и с ним – не имело значения.

Спать он лёг лишь минут на 15 позже обычного.

В остальном, этот день прошёл точно так же, как все его дни. В пять утра он ушёл, потом вернулся, рассортировал добычу, позавтракал и лёг досыпать. Всё, как всегда.

Никто из нынешних его знакомых не знал, что у него день рожденья, и никто его не поздравил.

Конечно, так провести свой юбилей нелегко. И горькое чувство минутами посещало его.

Если человек – это сеть связей, как сказал когда-то Сент-Экзюпери, то все внешние его связи с людьми были давно оборваны. Все родные, близкие, друзья его умерли: он остался на Земле совсем один. Своей семьи он не создал. И теперь расплачивался за это.

В большом городе он жил как на необитаемом острове. Люди присутствовали в его жизни только опосредованно: через пивные бутылки, которые они бросали где попало, а он их собирал и этим жил. Иногда за весь день ему случалось не сказать ни одного слова.

И так – последние без малого 17 лет.

Иногда ему становилось невыносимо терпеть такое беспросветное одиночество, потому что по натуре он был общительный человек. Раньше вокруг него всегда крутилось множество людей. Но те, кого он любил, ушли, исчезли. Для ныне живущих же он, немощный старик, не существовал.

А, между тем, сам он чувствовал себя таким же, как прежде.

Люди не понимают друг друга, потому что видят в другом человеке только того, кто он есть сейчас. В ребёнке – беспомощного, маленького ребёнка. В старике – отжившего старика.

На самом же деле старик – внутри себя и ребёнок, и юноша, и зрелый мужчина. Все эпохи его жизни остаются с ним, внутри него. И ребёнок тоже не только тот, кто он есть сейчас, но и кем будет когда-то.

Раньше Григорий Иосифович не замечал, что люди слепы и всегда смотрят друг сквозь друга, не замечая друг друга.

Впрочем, он не был склонен к философским размышлениям и горестным переживаниям. Наоборот, ему свойственно было радоваться даже самым незначительным мелочам: красивому восходу над морем, абрикосам, которые он не ел Бог знает сколько лет, улыбке ребёнка на улице.

Он был не очень требователен к жизни, как многие евреи. Ведь этот народ веками ухитрялся не просто выживать, но и жить полной, насыщенной жизнью в совершенно нечеловеческих условиях. Это свойство: радоваться жизни, хотя ни-

чего радостного не происходит, – ему тоже было присуще.

Поэтому юбилей не был для него совсем уж пустым, несчастливым днём. Несмотря ни на что, это был удивительный день.

Он шёл по улицам родного города, где прошли почти 80 лет его жизни, где его легко узнали бы каждый камень на мостовой, каждое дерево.

Он шёл, и удивительное чувство жизни охватило его. День был сырой, промозглый, ещё с вечера зарядил нудный, унылый мелкий дождик, с моря порывами задувал норд.

Он шёл и минутами чувствовал себя, как в детстве, когда знаешь, что всё хорошо и впереди долгий счастливый день. Он жив, всё ещё жив: что ещё нужно! «*Пешком с лёгким сердцем выхожу на большую дорогу. Я здоров и свободен, весь мир предо мной*». Это чувство он испытывал много раз в своей жизни. Сейчас он уже не был ни здоров, ни свободен, дороги его не были большими, и ему было 90 лет.

Но связь его с миром, родным городом, когда-то жившими и живущими здесь людьми, продолжалась у него в душе – и в этот день он особенно остро чувствовал эту связь.

Да, это всё-таки был необыкновенный, счастливый день!

Но если б и можно было об этом кому-то рассказать, кто понял бы его?

Григорий Иосифович закрыл наружную дверь, оставив ключ в замке. Затем снял куртку и повесил на вешалку, а те-

лежку оставил неразобранной у двери.

Примерно в метре от первой, внешней, двери находилась вторая, внутренняя. В этом узком пространстве висела одежда и стояла тележка.

Он открыл внутреннюю дверь и, пройдя через комнату, которая показалась бы нам очень необычной (огромная, сумрачная, с высоченным потолком), вышёл на кухню. Здесь он включил свет и стал готовить завтрак.

В маленькую помятую алюминиевую кастрюльку налил немного воды, подсолил, потом стал чистить картошку. Чистил он её не ножом, а стальной губкой. Картошка была молодая, с шелушащейся шкурой, хорошего сорта. Но каждая картофелина – величиной всего лишь с большую сливу.

Поставив варить картошку, он достал из пакета, стоявшего на полу, два больших яблока и стал их чистить ножом. Яблоки были полусгнившие. Ему они не стоили ни копейки: знакомая торговка-молдаванка с Привоза отдавала их даром. Срезав все сгнившие части, он помыл яблоки. Затем достал маленькую луковицу и очистил её.

Двигался старик неторопливо и делал всё тоже очень медленно, потому что руки у него дрожали: всё-таки он уставал после утреннего обхода, а 90 лет – это 90 лет. Была и ещё одна особая причина его медлительности: на левой руке у него недоставало двух пальцев: мизинца и указательного.

Когда-то Григорий Иосифович был знаменитым альпинистом. Он отморозил пальцы во время первого в истории

штурма восьмитысячника в Гималаях. Это было в 1950 году. Сейчас давно уже начался новый век, и никто не помнил об этом событии.

Между тем, Григорий Муляр был первым человеком на Земле, покорившим гору высотой более 8 тысяч метров. Тогда его принимал сам Сталин.

Правда, о встрече со Сталиным Григорий Иосифович никогда не вспоминал. Ничего хорошего там не было. Сталин, которого в то время он уважал, поразил его только тем, что оказался чрезвычайно мал ростом. На портретах он не выглядел таким шибдзиком. На ногах у него были мягкие шевровые сапожки, одет он был в галифе и полувоенный френч.

Кроме того, у него оказалось типично кавказское лицо, сильно изъденное оспой, бледное, с большим носом, и, что больше всего поразило Григория Иосифовича, с хитрым и коварным, каким-то лисьим выражением. Было в его манере держаться что-то восточное: мягкое, вкрадчивое – как у кошки.

Ещё запомнилось ему, как Сталин подавал руку. Он протянул её без пожатия, а только дал подержать две-три секунды. Рука – мягкая, как котлета, и влажная. После этого пожатия хотелось поскорее помыть руки.

Если бы Григорий Иосифович не знал, кто это такой, он принял бы этого кавказца за мелкого жулика с колхозного рынка.

С этой встречи началось его разочарование в Сталине.

Но я отвлёкся.

Когда картошка сварилась, старик вывалил дымящиеся картофелины в большую тарелку и сел на высокий табурет. Завтрак состоял из картошки без масла, луковицы, двух яблок и куска хлеба.

Поев, он сполоснул тарелку и кастрюльку и вышел в комнату.

Посреди комнаты, ближе к стене, противоположной входу, стояло большое кресло-качалка. На высокой его спинке лежала небольшая подушечка-думка. Старик сел в это кресло, подложив под голову подушечку, и почти сразу заснул.

Пока Григорий Иосифович спит, рассмотрим его жилище. Здесь тоже немало интересного.

Вот, например: что это за таинственный лист картона с рисунками, который Григорий Иосифович возит с собой на тележке и куда заглядывает почти каждый раз, когда находит новую бутылку?

Рисунки эти сделаны не на самом картоне, а на отдельных листках бумаги – и потом наклеены на картон, а под ними написаны какие-то цифры. Такая огромная, как картина в музее, таблица. Все картинки изображали разнокалиберные и разноцветные бутылки. Под каждой – аккуратная подпись, примерно такая: «Карлсберг. 15 коп». Или: «Золотая бочка. 23 коп». Либо: «Старопрамен. 20 коп».

Сверху «картина» аккуратно обёрнута толстой полиэти-

леновой плёнкой: от дождя.

Бутылки ведь все разные, их много. Как запомнить, сколько какая стоит? Первое время Григория Иосифовича нередко надували при приёме стеклотары, видя, что он салага, хоть и седой. Тогда он создал это живописное полотно. Все рисунки он сделал собственноручно, цветными карандашами (у него сохранилась со старых времён большая коробка). По мере надобности он доклеивал новые рисунки с обратной стороны или переклеивал цену.

Этот лист картона (называвшийся «шедевр Айвазовского») он пристраивал на своей тележке сбоку.

В основном, «шедевр» включал в себя бутылки из-под пива. Тара из-под шампанского, портвейна и пр. встречалась редко, стоила всего по 10 копеек бутылка.

Сортов же пива в Одессе продают миллион.

Между прочим, известные производители, познакомившись с «шедевром Айвазовского», могли бы и обидеться. Так, за бутылку из-под знаменитейшего пива «Пильзнер» дают жалкие 15 копеек. «Великопоповицкий козел», «Черновар», «Биттер», «Амстел» и даже такая патриотичная бутылка, как «Слава Краины» (Слава Украины), тоже ценятся невысоко. Производители российского пива «Балтика», весьма популярного в Одессе, тоже были бы уязвлены до глубины души, потому что их бутылку прижимистые одесситы оценивают только в 12 копеек.

Правда, Heineken, «Золотая бочка», «Бернард Черни»

шли выше, что, конечно, польстило бы владельцам этих знаменитых пивоварен. Самые же дорогие – бутылки из-под украинского пива «Андреевский эль». Увы, попадались они крайне редко. Такая бутылка стоит целых 27 копеек.

Григорий Иосифович собирал и жестяную посуду из-под того же пива, джин-тоников, водки. Вся она шла по 5 копеек.

Всего за день требовалось заработать не менее 10 гривен. Потому что буханка хлеба в Одессе стоит от 8 гривен и больше. Но 10 гривен, при средней стоимости бутылки 20 копеек, – это 50 бутылок. Чаще всего, свою норму он делал. Порой ему попадались роскошные россыпи бутылок где-то в одном месте – и тогда он перевыполнял план.

Надо признать, одесситы во всякое время года пили и пьют, слава Богу, много, за что им огромное спасибо. И обычно Григорий Иосифович был доволен собранным урожаем.

Выходных у него не было.

Жил он в Приморском районе и начинал обход с Малой Арнаутской или Базарной улицы. Осмотрев самые хлебные места (сквер имени Пушкина и вокзал «Одесса-главная»), он затем двигался на Привоз, после чего обходил Преображенский парк, потом двигался к морю, проходил через сквер Героев Небесной Сотни (между прочим, находя добычу и там, несмотря на святость места), по проспекту Шевченко добирался до стадиона «Спартак», осматривал окрестности и выходил на Французский бульвар и пляж «Отрада».

Маршрут этот занимал, в зависимости от погоды, времени года и самочувствия «грибника», от 3 до 4 часов, иногда и больше.

Собрав достаточное количество ценных находок, Григорий Иосифович снова выходил на Малую Арнаутскую и возвращался домой.

Дома он завтракал. Разбирал бутылки, затем ложился досыпать.

Часов в 12 снова вставал, мыл бутылки, опять раскладывал и вёз сдавать, на что уходило ещё часа полтора-два.

Потом обедал.

Зато вечером он был свободен. По вечерам он читал, писал, иногда играл на пианино. Правда, нередко ему приходилось чинить носки или старую одежду, потому что ничего, кроме продуктов, он не покупал уже почти 15 лет.

Так он жил.

Если вы были в Одессе и видели рано утром на улице высокого, загорелого крепкого старика с тележкой, – это Григорий Иосифович.

В 90 лет ему нельзя было дать больше 70-ти. Даже в таком возрасте он производил внушительное впечатление. Широкоплечий и ширококостный, он напоминал величественные развалины знаменитых зданий, вроде Колизея или Парфенона. С годами тело его высохло, но спина осталась прямой: он только чуть-чуть сутулился. Загар у него был почти как в молодости: ведь он проводил по полдня на свежем воздухе.

Щёки впали, от глаз шли резкие, глубокие вертикальные морщины, но сами глаза, светлые на загорелом лице, были как у ребёнка. Лицо казалось суровым, но улыбка, детская, ясная, как солнечный луч, совершенно его преображала.

Зубов у него оставалось уже немного: всего пять или шесть – но, как известно, лучшее средство от кариеса – не иметь зубов. Так что он не огорчался: кашу и хлеб есть можно и вовсе без зубов.

В общем, он совсем не был похож на несчастного старика, и не считал себя таковым.

Конечно, в молодости были у него и слава, и почёт. Когда-то – знаменитый альпинист, потом инструктор по альпинизму и детский тренер по туризму, вырастил сотни воспитанников. Да и сейчас, хотя о нём все давно забыли, он не принадлежал к самым низам общества. У него была большая собственная квартира. Уцелели все документы. Он получал пенсию, – правда, её хватало только на коммуналку, и то не всегда, но ведь и у всех так. Да, у многих есть семьи, дети, внуки, правнуки, а у него нет. Зато сколько у него учеников!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.